

DOI 10.15826/izv1.2020.26.4.072
УДК 342.716-053 + 070.22 + 37.013

М. В. Капкан
Л. С. Лихачева

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ (на материалах газеты «Пионерская правда» 1925–1929 гг.)*

Статья посвящена исследованию советского опыта по формированию гражданской ответственности в сознании и поведении детей посредством СМИ на примере газеты «Пионерская правда» за 1925–1929 гг. «Пионерская правда» рассматривается в качестве субъекта конструирования советской модели гражданственности и специализированного канала коммуникации с детской аудиторией, решающего определенные идеологические задачи. В статье на основе предложенной авторами типологии вопросов анализируется социальная переписка читателей (письма-вопросы) и раскрываются основные одобряемые формы проявления гражданственности в детской среде. Авторы приходят к выводу, что гражданственность в материалах переписки предстает преимущественно как поведенческая характеристика личности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: советская культура; гражданственность; модели гражданственности; письма читателей; «Пионерская правда»

Сегодня много говорится о гражданской ответственности, необходимости формирования гражданской ответственности и патриотизма в сознании и поведении подрастающего поколения. Вместе с тем в отечественной культуре проблематика гражданской ответственности не может быть рассмотрена исключительно в синхроническом аспекте. Современные дискуссии о гражданской ответственности отражают одновременно и актуальный социокультурный и политический контекст, и исторический опыт.

Ценность гражданской ответственности неоднократно актуализировалась в российской культуре с эпохи Нового времени. При этом ее статус менялся. Гражданственность становилась то элементом аксиологической системы официальной культуры, то маркером культуры оппозиционной. Соответственно, изменялось и ее содержание. Советская официальная культура включила гражданственность в круг базовых ценностей советского человека, что потребовало и специфических каналов ее трансляции. В этом отношении советский период отечественной истории демонстрирует интересный опыт по формированию гражданской ответственности в сознании и поведении молодежи, в том числе посредством СМИ.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Свердловской области в рамках научного проекта № 20-411-660005.

КАПКАН Мария Владимировна — кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: m-kapkan@mail.ru).

ЛИХАЧЕВА Лилия Сергеевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Уральского федерального университета (e-mail: Likhacheva08@rambler.ru).

© Капкан М. В., Лихачева Л. С., 2020

Поскольку понятие «гражданственность» является очень многозначным и в исследовательской литературе трактуется неоднозначно [24], остановимся на нескольких принципиальных моментах в его понимании.

Гражданственность — некая интегральная характеристика личности, маркирующая степень гармоничности сочетания личных и общественных интересов или блага в ее сознании, моральных качествах и поведении. Таким образом, структурно гражданственность можно рассматривать как состояние сознания, как моральное качество и как жизненную позицию личности, проявляющиеся в ее поведении. Различная степень развитости (наполненности общественными смыслами) этих элементов дает основания к выделению разных конфигураций, а следовательно, различных типов гражданственности личности. Например, даже при развитом гражданском сознании может отсутствовать сформированная жизненная позиция, знания могут оказываться декларативными и т. п. Также можно говорить о бытовании *идеального типа гражданина*, в котором представлен тот самый баланс общественного и личного во всех элементах, *квазитипа*, в котором поведенческая (формальная) составляющая доминирует в ущерб сознанию и моральным качествам (содержательным компонентам). Также в разные исторические периоды нашей страны существовали и продолжают существовать различные модели гражданственности, как правило, воспроизводящие крайние проявления, абсолютизирующие либо общественную составляющую («советская модель»), либо личную, индивидуалистическую («постсоветская модель»).

Но в любом случае «гражданственность не является раз и навсегда установленным состоянием или качеством личности» [22, 370], формирование гражданственности — результат целенаправленной работы государственных и общественных институтов. Субъектами конструирования той или иной модели гражданственности являются в том числе и СМИ, зачастую представляющие собой специализированный канал коммуникации с определенной аудиторией и определенными идеологическими задачами. Пример тому — газета «Пионерская правда», которая выполняла «не только воспитательные задачи, но также и то, что можно назвать символизацией и наглядной демонстрацией режима» [21, 10]. Тем самым решалась задача, которая была сформулирована Н. К. Крупской, — «...воспитание всесторонне развитых людей с сознательными и организованными общественными инстинктами, имеющими цельное, продуманное мировоззрение, ясно понимающих все, что происходит вокруг в природе и общественной жизни, людей, подготовленных в теории и на практике ко всякого рода труду как физическому, так и умственному, умеющих строить разумную, полную содержания, красивую и радостную общественную жизнь» [4, 10].

В данной статье на примере подборки газеты «Пионерская правда» за 1925–1929 гг. рассмотрим, какие средства и методы использовались СМИ в работе с подрастающим поколением по формированию гражданских качеств, насколько это было эффективно и действительно ли в эти годы была сформирована четкая гражданская позиция и менталитет у читателей этой газеты или в большей степени это лишь декларировалось.

В качестве такого канала информации можно рассматривать читательские письма в редакцию. Как справедливо замечает Н. С. Сибирко, «в обществе с консервативными тенденциями коммуникация, осуществляемая при посредстве СМИ, традиционно является однонаправленной: от власти к народу» [23, 36–37]. В этой ситуации письма читателей с вопросами, просьбами, размышлениями и предложениями можно рассматривать как вариант обратной связи.

В силу возрастной специфики аудитории «Пионерской правды» в газете не сложилось полноценного жанра читательского письма: этот формат был слишком сложным и объемным для детей. Однако обратная связь выстраивалась через «облегченный» вариант коммуникации — вопросы читателей, представленные в рубрике «Спрашивай — отвечаем». У вопросов, в отличие от писем, нет устойчивого жанрового шаблона, они очень кратки (как правило, одно-два предложения) и не выражают напрямую определенную гражданскую позицию автора. Вместе с тем мы полагаем, что их можно отнести к тому же типу социальной переписки, что и читательские письма, а содержание этих вопросов может служить источником данных о том, какие аспекты жизни могли становиться предметом публичного обсуждения, т. е. имели общественно значимый характер. Такие вопросы по умолчанию содержат в свернутом виде проблему, которая воспринимается автором как значимая. Как в читательских письмах-просьбах имплицитно конструируется идеальная модель ситуации (для общества в целом или лично для просящего), так и читательский вопрос направлен на установление правильного представления о мире, на согласование собственной точки зрения с социально одобряемой. Это подкрепляется и общим стилем газетной коммуникации: ответы на эти вопросы чаще всего даются не только и не столько в информативном регистре, но и в идеологическом, что либо усиливает их гражданскую направленность, либо переводит их из повседневной плоскости в общественно-политическую. Кроме того, совокупность вопросов и ответов — не будем забывать, что отбор вопросов для публикации является частью редакционной политики, — определяла меру необходимого знания и формировала определенную жизненную позицию. Тем самым подобные рубрики становились способом трансляции модели гражданственности как бы «снизу», от самих носителей этой гражданственности.

В вопросах, задаваемых читателями «Пионерской правды», отражается интерес к тем или иным злободневным темам, повседневным проблемам, идеологическим установкам. Следовательно, анализируя читательские вопросы, мы можем определить, какие темы интересовали детей; с какими проблемами они сталкивались; что составляло содержание их повседневности; преобладали ли общественные интересы над личными или соотношение личного и общественного в сознании детей было иным.

Для систематизации информации введем типологию вопросов, представленных в письмах читателей газеты. Как любая типология, она несколько условна (так, некоторые вопросы можно отнести одновременно к нескольким категориям), однако позволяет составить представление о круге тем, поднимаемых читателями «Пионерской правды». Все опубликованные вопросы можно разделить на шесть категорий:

- 1) познавательного характера — 62 вопроса;
- 2) пионерская жизнь — 60 вопросов;
- 3) школьная жизнь — 6 вопросов;
- 4) житейские, в том числе медико-гигиенические, — 25 вопросов;
- 5) финансовые (лотереи, займы, сбор денег и т. п.), хозяйственно-экономические, правовые — 56 вопросов;
- 6) общественно-политические (политические вопросы, переписка с детьми из других стран и пр.) — 52 вопроса.

Наибольший интерес для нашего исследования представляют общественно-политические вопросы и вопросы, касающиеся пионерской жизни. Именно эти категории охватывают проблематику, которая традиционно считается гражданской. С одной стороны, в общем корпусе вопросов гражданственно ориентированная тематика занимает сравнительно небольшое место, она оказывается лишь одной из сфер, эпизодически привлекающей внимание читателей наряду с более близкими и привычными в их повседневном опыте. С другой стороны, объем каждой из этих категорий не уступает категориям, более характерным для круга интересов школьного возраста. Так, вопросы о пионерской жизни лишь немного уступают количественно вопросам познавательной направленности.

Обратимся к анализу вопросов, посвященных пионерской жизни (отметим, что в проанализированном корпусе текстов очень мало вопросов о школьной жизни, поскольку «школьное» было приравнено к «пионерскому», что тоже весьма показательно). Первые номера газеты — а «Пионерская правда» издавалась с 6 марта 1925 г. — не содержали рубрики «Письма читателей», но подспудно письма присутствовали — через ответы пикорам (пионерским корреспондентам, позже их стали называть деткорами), что и как писать в газету, а также в рубрике «Ответы вожатого».

Судя по советам вожатого, пионеров больше интересовали вопросы, связанные с организацией деятельности пионерских отрядов, значением пионерских атрибутов (пионерский галстук и правила его ношения и т. п.). Например, «Кто должен входить в состав совета отряда?», «Могут ли состоять в пионерской организации не пролетарские дети?», «Имеет ли право голоса на совете отряда помощник вожатого звена?», «В чем должна выражаться антирелигиозная пропаганда юных пионеров?», «Имеет ли право пионер снять с другого пионера галстук, если считает его в чем-нибудь виноватым?» и т. д.

Это было связано с тем, что сама Всесоюзная пионерская организация была создана в 1922 г. и многие вопросы ее «строительства» еще не были достаточно проработаны и доведены до «широких масс» участников этого движения.

Постепенно вопросы о пионерской жизни становятся частью рубрики «Спрашивай — отвечаем». Однако организационно-формальная направленность вопросов сохраняется. Участие в пионерской жизни рассматривается прежде всего как выполнение определенных ритуалов, а не как причастность некоей системе ценностей и моральных установок. Можно сказать, что гражданская позиция в данном случае проявляется как раз в следовании поведенческой модели. Вместе с тем в вопросах явно прослеживается и активная позиция ряда адресантов, которые

фактически своими вопросами не столько стремятся получить информацию, сколько привлекают внимание к нарушениям установленного порядка («Почему неорганизованные избивают пионеров, насмеваются над ними?» и пр.). В этом вновь проявляется уже отмеченная особенность коммуникации через газету: информационные и познавательные интенции подменяются идеологическими, а в данном случае — и воспитательными.

Есть и вполне житейские вопросы, в которых читатели стремятся примирить идеологические нормы и привычные практики повседневности: «Полагается ли пионерам ходить на гулянки взрослых?», «Полагается ли пионерам танцевать и плясать?» [5, 4]; «Может ли пионер грызть семечки?» [12, 5].

Вопросы на общественно-политические темы частично продолжают проблематику, намеченную в предыдущей категории, но акцентируют уже новые проблемы. Так, преобладают вопросы по тематике межкультурных коммуникаций в пионерской среде, например: «Много ли пионерских отрядов связано с заграничными товарищами?» [7, 3], «Как завязать связь с политзаключенным какой-либо буржуазной страны?» [9, 5], «Как связаться с заграничными пионерами, не зная их языка?» [18, 6]. Помимо вопросов о возможности установить контакт с идеологически близкими представителями других государств заметен интерес к особенностям жизни сверстников за рубежом: «Можно ли в Германии носить красный галстук? Как пионеры Германии помогают партии и комсомолу? Откуда пионеры получают средства на свою работу? Есть ли в немецких школах самоуправление? Есть ли в школах горячие завтраки и как они распределяются? Во всех ли школах имеют возможность учиться дети рабочих? Где спартаковцы проводят сборы? Есть ли у спартаковцев клубы?» [6, 8].

Кроме того, читатели газеты «Пионерская правда» часто интересовались языком эсперанто, что тоже можно рассматривать не столько как познавательный, сколько как общественно-политический запрос: «По какому учебнику можно изучать эсперанто?» [8, 6], «Где и как можно изучить “Эсперанто?”» [14, 6]. Эсперанто воспринимался «как средство, способствующее процессу интернационализации всех сфер общественной жизни» [2, 154]. Этот интерес укладывался в общую систему идеологом того времени — «мировая революция», «братство народов», «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и т. п. И эсперанто вполне мог сыграть роль канала пропаганды идеи мировой пролетарской революции. Один из участников Петербургской группы эсперантистов-пропагандистов В. П. Артюшкин-Кормилицын в 1919 г. писал: «Эсперанто — залог Международной Рабочей Революции. Эсперанто — дальнобойное орудие Рабочей Революции. Эсперанто — цемент для связи Международного Пролетариата. Эсперанто — фундамент будущей Всемирной Федерации Рабоче-Крестьянских Республик» [1, 8]. Такой пропагандистский пафос не мог не оказывать влияния на умы пионеров — участников детского коммунистического движения, чем и определялось их стремление овладеть эсперанто как «языком международного пролетариата».

Вторая группа вопросов общественно-политической направленности — это вопросы читателей о международной ситуации, о месте и роли СССР на международной арене, о внутренних проблемах страны: «Ведь Бессарабия не наша, а почему

мы ее изучаем в географии СССР?» [10, 6], «Имеют ли красные фронтовики Германии оружие?» [8, 6], «Что теперь стало с советским золотом, отправленным в Америку?» [Там же], «Почему с нами торгуют наши враги, капиталистические страны?» [13, 3], «Правда ли, что СССР платит капиталистическим странам царские долги?» [16, 6]. Такая тематика вопросов также вполне объяснима. В 1920-е гг. основными задачами внешней политики советской страны являлись обеспечение дипломатического признания СССР, укрепление позиций государства на международной арене, распространение идей коммунистического движения в мире. Пропагандой этих идей были заполнены и страницы детской прессы, в частности официальной газеты пионеров «Пионерской правды» — идеологического проводника идей мирового коммунистического строительства. И, конечно, читатели газеты не могли остаться в стороне от подобного рода вопросов.

Третью группу вопросов составляют вопросы религиозно-атеистической направленности, что в общем контексте борьбы с религиозным мировоззрением также вполне объяснимо: «Антирелигиозное воспитание предполагало вовлечение школы в активную борьбу с религией и Церковью и было призвано пробудить в учащихся резко негативное отношение к вере» [26, 29]. Дети выступали не только объектами антирелигиозной пропаганды, но и ее субъектами. Посвященные религии вопросы юных читателей носили как сугубо познавательный характер («Почему “святая” вода может десять лет не портиться, а простая вода и десяти дней не простоит?» [20, 4], «Можем ли мы запрещать уничтожение деревьев перед праздником троицы?» [19, 6]), так и прагматический, связанный с правами и обязанностями определенных категорий населения: «Я дочь попа, но я не признаю ни религии, ни ее обрядов. Правильно ли, что меня исключили из отряда?» [18, 6], «Почему в Красную армию не принимают из поповского звания?» [15, 6].

В целом можно заметить, что наряду с весьма наивными вопросами («Правда ли, что евреи на свою пасху пьют русскую кровь, и где они ее берут?» [17, 6]), читатели «Пионерской правды» задавались вполне серьезными проблемами: «Какую мне выписать книгу по руководству колхозом?» [20, 4] или «Почему в СССР запрещена продажа и купля земли?» [14, 6]. Это подтверждает наблюдение, что границы детского и взрослого пространств в советской культуре 1920-х гг. были размыты и дети ощущали себя активными участниками происходящих перемен, вовлеченными в решение «взрослых» вопросов, полноправными субъектами гражданской жизни, которым требовался соответствующий объем знаний [3].

Наконец, обратимся к вопросам из тех категорий, которые формально не относятся к интересующей нас проблематике. Например, среди познавательных вопросов наряду с обычными для этой возрастной аудитории вопросами о происхождении вещей и сути природных явлений появляются и те, которые позволяют спрашивающему понять положение дел в стране: «Где в СССР находятся судостроительные заводы?» [11, 4], «Только ли в СССР пашут сохами?» [12, 5]. В них нет очевидной гражданской подоплеки, но ответы на эти вопросы дают возможность сориентироваться в текущей социально-экономической ситуации.

Конечно, «Пионерская правда» ориентировала на формирование активной гражданской позиции, давала эталоны «правильного» гражданского поведения

(на страницах газеты неоднократно говорилось об активном участии детей в контроле за различными областями повседневной жизни — чистотой на фабриках-кухнях, содержанием книг и фильмов и пр.), формировала положительные примеры и личностные образцы гражданственности и патриотизма и т. д. Но обзор писем читателей, задаваемые ими вопросы и постановка проблем показывают, что все было не так однозначно. Как отмечала исследовательница советской культуры Ш. Фицпатрик, сама культурность и политическая культура, видимо, тоже формировались из двух составляющих — прагматической (охватывающей по большей части повседневную жизнь человека) и идеологической (касающейся внешней, публичной стороны жизни человека) [25].

Как было замечено вначале, гражданственность — некая интегральная характеристика личности, маркирующая степень гармоничности сочетания личных и общественных интересов или блага в ее сознании, моральных качествах и поведении. Можем ли мы сказать, что советские пионеры — читатели газеты «Пионерская правда» демонстрировали развитую форму гражданственности? Или же мы имеем дело с конструированием модели гражданственности, которая в дальнейшем должна была быть усвоена читателями? Известно, что публикации от лица рядовых граждан оказывали существенное воспитательное воздействие на читателей; это справедливо и для взрослой аудитории, но особенно ярко проявлялось в детской среде. Письма с описанием деятельности отряда или личной инициативы пионеров, инвективы в адрес несознательных товарищей, вопросы и предложения, исходящие от ровесников, проецировались читателями на себя и свое окружение, становясь моделями поведения и отношения. В связи с этим не столь важно, публиковались ли вопросы читателей без каких-либо редакционных и цензурных правок, подвергались ли корректировке или вовсе были результатом творчества штатных сотрудников редакции. Гораздо существеннее социокультурная рецепция этих текстов как формы презентации определенной модели гражданственности. Вспомним, что, несмотря на вовлеченность детей в решение «взрослых» проблем (участие в антирелигиозной пропаганде, контроль за соблюдением гигиенических норм и т. п.), сама по себе категория гражданственности предполагала совсем не детскую меру знаний и обязанностей и не могла быть воспринята школьной аудиторией в полном объеме. Следовательно, возникала необходимость в выработке особой редуцированной гражданственности, доступной детям как на уровне понимания, так и на уровне поведения.

Если рассматривать проанализированные вопросы читателей в этом аспекте, можно выявить три основные одобряемые формы проявления гражданственности в детской среде. Во-первых, гражданственность проявляется в фиксации отклонений от нормы; таковы, например, вопросы-жалобы. Во-вторых, гражданственность трактуется преимущественно как поведенческая характеристика, что обнаруживается в вопросах, нацеленных на уточнение «правил игры», т. е. ритуалов поведения (в особенности в пионерской жизни). Наконец, в-третьих, гражданственность достигается через усвоение определенного корпуса знаний о своей стране, ее отношениях с другими государствами и т. п. И здесь особое место занимают вопросы познавательной направленности.

В конце 1920-х гг. начнется трансформация гражданственности, связанная с утверждением новой ценности — культуры. Новизна ее окажется относительной: в ней сохранится общественная направленность, но формы ее проявления станут более разнообразными. Однако та модель гражданственности, которая сформировалась в 1920-е гг., станет существенной частью нового идеала юного советского гражданина.

1. *Артюшкин-Кормилицын В. П.* Международный язык революционного пролетариата эсперанто. Петербург, 1919. 16 с.
2. *Власов Д. В.* Эсперанто в советском радиоэфире в 1920–1930-е годы // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2013. Сер. 9, вып. 4. С. 154–161.
3. *Капкан М. В., Лихачева Л. С.* «Революция в столовой»: реформы советского общепита в зеркале детской прессы 1930-х гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. : в 2 т. СПб., 2020. Т. 1. С. 135–139.
4. *Крупская Н. К.* К вопросу о социалистической школе // Педагогические сочинения : в 10 т. М., 1978. Т. 2. С. 7–18.
5. Пионерская правда. 1925. 27 сент.
6. Пионерская правда. 1927. 16 июня.
7. Пионерская правда. 1928. 28 апр.
8. Пионерская правда. 1928. 27 июня.
9. Пионерская правда. 1928. 18 июля.
10. Пионерская правда. 1928. 21 июля.
11. Пионерская правда. 1928. 28 июля.
12. Пионерская правда. 1928. 4 авг.
13. Пионерская правда. 1928. 13 дек.
14. Пионерская правда. 1929. 8 янв.
15. Пионерская правда. 1929. 2 марта.
16. Пионерская правда. 1929. 14 марта.
17. Пионерская правда. 1929. 9 апр.
18. Пионерская правда. 1929. 11 апр.
19. Пионерская правда. 1929. 13 июня.
20. Пионерская правда. 1929. 6 авг.
21. *Плаггенборг Ш.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / пер. И. Карташевой. СПб., 2000. 414 с.
22. *Резник Ю. М.* Человек в российском обществе: проблемы гражданственности и гражданской идентичности // Личность. Культура. Общество. 2003. Спец. вып. 1–2 (19–20). С. 365–378.
23. *Сибирко Н. С.* «Письмо читателя» как жанр медиадискурса // Вестн. Пятигор. гос. лингв. ун-та. 2008. № 3. С. 36–40.
24. *Фан И. Б.* Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург, 2018. 332 с.
25. *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы : город. 2-е изд. М., 2008. 336 с.
26. *Шевченко В. А.* Юные безбожники против пионеров. М., 2009. 352 с.

Статья поступила в редакцию 15.09.2020 г.